

Антиавторитарная этика и теоретические предпосылки для формирования социальной концепции на её основе

Элеан Шайн

21.12.2025

Оглавление

Глава I. Основные тезисы.	5
О ценности индивидуальной жизни и свободы.	6
Индивид и тело.	7
Глава II. Экономика.	8
Природный мир.	9
Земля.	10
Границы.	11
Информация.	13
Плоды труда.	14
Украденная собственность.	16
Частная собственность.	18
Интеллектуальный труд.	21
Социалистическая конкуренция.	22
Глава III. Насилие.	23
Двойные стандарты этатизма.	24
Насилие и самооборона.	26
Правосудие.	29
Глава IV. Проблема ассоциирования.	33
Постановка проблемы.	34

Ноль: вершина.	38
Первая.	39
Вторая.	40
Третья.	42
Четвёртая.	43
Пятая.	45

**АНТИАВТОРИТАРНАЯ ЭТИКА И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ ФОР-
МИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ НА ЕЁ ОСНОВЕ.**

Глава I. Основные тезисы.

О ценности индивидуальной жизни и свободы.

Все явления наблюдаемой действительности, включая нас самих, можно разделить на две категории: одушевлённых существ, или индивидов - с одной стороны, и природу, или неодушевлённую саму по себе материю - с другой.

Индивид определяется как существо, способное к страданию и/или его противоположности - счастью. Всё остальное наблюдаемое бытие - неспособное ни к страданию, ни к счастью в каких бы то ни было формах, в свою очередь, относится к сфере природы.

Умножение счастья и избегание страданий являются, по-видимому, единственным (или, во всяком случае, главным) объединяющим мерилом понятия «добра» для всех чувствующих существ.

При этом, мы исходим из того, что избегание страдания является, для индивида, задачей более приоритетной, нежели стремление к счастью.

Таким образом, хорошим поступком следует считать тот, который служит цели умножения счастья или устранения страдания, а плохим - тот, который приводит к умножению страдания или устранению счастья.

Поскольку, для каждого индивида, его собственное благо является бесконечно ценным - интересы всех индивидов одинаково бесконечно ценны в объективности.

Из этого следует, что жертвование интересами одного индивида ради преследования интересов индивида другого является злом, а, в выборе между совершением хорошего поступка и несовершением плохого, следует отдавать предпочтение последнему.

Злом такое жертвование остаётся и в том случае, если в выигрыше от него оказывается большее число индивидов, чем проигравших, какова бы ни была эта количественная разница - ввиду невозможности сопоставить бесконечности: «две», «десять» или «миллион» бесконечностей всё ещё равны «одной».

Далее мы раскроем данный тезис на более приземлённых примерах.

Индивид и тело.

Поскольку все индивиды равны в ценности своих интересов, а природа не может обладать собственными интересами вовсе - эту последнюю следует рассматривать как никому не принадлежащую, но свободную к пользованию каждым.

Наиболее тесно связанным с интересами индивида проявлением природы является его тело. Именно телесную автономию, следовательно, надлежит рассматривать как наиболее приоритетную для индивида - а, потому, неприкасаемую - сферу его собственного пользования.

Из всего вышесказанного вытекают такие базовые права личности, как право на жизнь, на личное пространство, на распоряжение собственным телом, неприменимость всяческого нападения на него - будь то трудовая повинность, военная мобилизация, тюремное заключение, казнь, или любое другое физическое насилие.

Нельзя ни убить человека, ни как-либо иначе посягнуть на его базовые права, какое бы предполагаемое благо такое посягательство ни должно было принести другим людям, не нарушив, при этом, универсальный принцип добра.

Глава II. Экономика.

Природный мир.

Менее тесно связанным с интересами индивида проявлением материи - хотя и по-прежнему важным - является физический мир, находящийся за пределами чисто телесной сферы.

К этому миру относятся природные ресурсы, а также мир созданных человеком идей, после чего - плоды человеческого труда, т.е результат соединения первых двух с проявившейся через тело индивида его волей.

К первому относятся земля, кислород, водоёмы, источники полезных ископаемых, и тому подобное;

Ко второму - высказанная вслух информация, включая находящуюся в чьей-либо так называемой "интеллектуальной собственности";

К третьему - физические товары и услуги.

Земля.

Таким образом, каждый имеет право распоряжаться не только своим телом, но и любым пространством, которое оно может занять и использовать для своего блага - поскольку оно уже не занято непосредственно кем-то другим.

Каждый может дышать воздухом и селиться на любую незанятую землю, никому за это не отдавая платы и ни перед кем не отчитываясь.

Государство нарушает этот принцип, когда объявляет ту или иную землю своей - требуя от индивида платы за непосредственное пользование ей и решая, кому на ней можно находиться, а кому нельзя.

Нарушает этот принцип государство и тогда, когда, на том или ином основании, передаёт право ограничивать таким образом пользование землёй отдельным "собственникам", не пользующимся этой землёй непосредственно и даже неспособным делать это единолично.

Земля должна быть доступна каждому.

Никто не имеет права прогонять человека с земли, на которой он живёт.

Никто не имеет права запрещать человеку селиться на земле, на которой ещё никто не поселился.

Если же некий ограниченный участок земли служит домом для множества людей - именно они вправе решать, разделить ли пользование ею с кем-либо ещё.

Точно так же, никто не может запретить индивиду использовать незанятую землю для добычи ресурсов из её недр или плодов личным, непосредственным трудом.

Границы.

По тем же самим причинам неприемлемо наличие границ между странами и всякое ограничение миграции. Сторонники существования национальных границ нередко оправдывают посягательство на свободу передвижения нелепым приравниванием сосуществования представителей разных народов в рамках одной страны к якобы принуждению изначальных жителей квартиры к сожительству с непохожими на них людьми, что является, по нашему убеждению, некорректным - по двум причинам:

Во-первых, подобная аргументация основывается на утверждении, что существуют некие “коллективные сущности”, определяемые языком, используемым его носителями, их этническим происхождением, религией или культурными особенностями - тогда как, в действительности, коллективные сущности есть не более чем субъективные обобщения суммы своих частиц, коими являются индивиды.

Вера в “групповую принадлежность”, таким образом, в контексте разделения мира на национальные границы, затмевает собой индивидуальную свободу выбирать для себя место временного положения, работы или постоянного проживания.

Достаточно избавиться от института земельной собственности и ограничить право пребывания на той или иной территории соблюдением критерия наступления на личные границы непосредственно окружающих индивидов, чтобы предотвратить нежелательное взаимодействие между личностями разных привычек, образов жизни и мировоззрений.

Личные границы “коренного жителя” (если мы допускаем, что подобное понятие вообще заслуживает нашего признания в качестве отвечающего действительности) не нарушаются тем фактом, что на расстоянии сотен километров от него проживает человек, прибывший из другой страны. Во всяком случае, личные границы нарушаются, в данном случае и в условиях массового общества, не в большей степени, чем проживанием на примерно том же расстоянии другого “коренного жителя”.

Во-вторых, индивиды различаются между собой по гораздо большему числу весомых критерииев, чем язык, генетическое происхождение, религия или национальная культура.

В рамках носителей одного и того же языка, цвета кожи, “национальности”, религии и проч., зачастую, имеется не меньшее противоречие интересов, чем между носителями отличных друг от друга перечисленных критерииев.

Достаточно ли носители разных “национальностей” отличаются друг от друга в среднем, чем носители одной и той же “национальности” отличаются между собой, чтобы наступать на индивидуальную свободу передвижения и, как следствие, личные границы лиц, переселяющихся из одного конца света в другой?

Совершенно очевидно всякому разумно мыслящему человеку, что нет.

Какая разница квир-персоне, какую национальность имеют его соседи по общежитию или многоквартирному дому, если сия персона в любом случае находится в гетеронормативном социуме, её угнетающем?

Какая разница женщине, на каком языке говорят мужчины в лифте, если они всё равно - мужчины?

А ведь есть различия ещё более существенные, между личностями, чем гендер или ориентация - и, следовательно, ещё более существенные, чем язык, этнос или религия.

Не станем же мы оттого строить нацию, состоящую целиком из одних женщин или квир-персон?

Так почему должны строить нации как таковые - зная, что ценой тому станет личная свобода передвижения?

Существуют же нации лишь благодаря вере людей в них.

По этим двум причинам, любые ограничения миграции и любой её контроль, равно как и существование “официальных языков”, “официальных религий” и “государствообразующих этносов” является недопустимым, а воплощение подобных практик государством есть инициация насилия по отношению к индивиду.

Пусть жители каждого конкретного земельного участка решают совместно, как распоряжаться своим общим пространством - своей землёй; и пусть никто не ограничивает кого-либо от того, чтобы стать жителем такого земельного участка, если остальные использующего его лица не выражают на то несогласия; и пусть каждый сможет использовать земельный участок, не занятый никем - вне зависимости от того, насколько далеко ни находилось бы предыдущее местоположение этого кого-то.

Информация.

Государство нарушает этот принцип, когда ограничивает доступ к секретным архивам, обладает патентами или выдаёт патенты кому-либо другому.

Идеи о создании различных благ постоянно распространяются в человеческом обществе всю его многотысячелетнюю историю.

К примеру, никто не знает имя изобретателя идеи колеса - однако, это никогда не служило препятствием, для других людей, создавать колёса из материи, выстраивать на их основе средства передвижения и использовать их как в повседневной жизни, так и в торговле.

Генри Форд узурпировал ли авторское право у древних?

Выдавая патенты, государство лишь выдирает некоторые из подобных идей из общего поля пользования и создаёт несправедливую привилегию для немногих.

Если бы оно было последовательно в своём стремлении монетизировать идеи, то оно бы запретило любой культурный обмен, любые дискуссии, пересказы содержания книг и новостей, запретило бы даже сами разговоры между людьми - пока тот, кто черпает из них пользу, не заплатит звонкой монетой.

Такой мир был бы ужасен, но, кроме того, он невозможен. А поэтому, единственной справедливой опцией в разрешении данного вопроса является полная отмена интеллектуальной собственности для всех игроков рынка.

Исключением, разве что, является информация, непосредственно касающаяся интимной сферы - такая, как фотографии или другие материалы, изображающие, например, обнажённые тела или половые акты с участием лиц, не давших согласие на их запись или распространение, а также как таковые нарушения анонимности.

Но мы делаем эту оговорку именно потому, что подобные случаи относятся уже не к сфере свободы слова и не к сфере плодов интеллектуальной деятельности, а к сфере телесной неприкосновенности.

Запись и распространение любой другой информации, чьи бы чувства она ни оскорбляла, какое бы "тлетворное влияние" ни оказывала, какие бы институты ни "расшатывала" и какое зло бы ни оправдывало - да пусть даже её распространение действительно было аморальным поступком - не может пресекаться с помощью насилия - всегда инструмента более аморального - а потому, не может подвергаться принудительной цензуре или запрету.

Плоды труда.

Труд является источником всех благ, которыми пользуются индивиды. Усилие, сочетающееся с природными ресурсами или их производными, результатом которого есть благо - это и есть определение труда.

У любого результата труда есть стоимость.

Стоимость есть среднее значение между усилиями, необходимыми для создания блага, и полезностью его для потребителя.

Усилие, не создающее благо, не есть труд, поскольку не является созидающим, иными словами - увеличивающим счастье или уменьшающим страдание, иными словами - полезным. Стоимость таких усилий равна нулю, потому что никто, как потребитель, не оценивает его иначе.

Никто не обязан оплачивать заталкивание Сизифом валуна вверх по горе.

С другой стороны, благо, не требующее усилий для своего создания, также не может иметь стоимости. Поскольку отсутствуют усилия - отсутствует и сторона, которой требовалась бы компенсация за них.

Потому как усилие есть либо явное страдание, либо, по меньшей мере - некоторый дискомфорт, то есть - уменьшение счастья, либо страдание в малом количестве.

Именно ввиду справедливости компенсации за приложенные усилия создатель блага вправе назначать за пользование их результатом соответствующую плату.

Благо, не требующее усилий для своего производства - это и есть природный ресурс, являющийся достоянием общественности.

Стоимость возникает лишь при соединении этих двух начал - усилия производителя и пользы для потребителя. Стоимость определяется средним значением между ними, при условии, что ни одно из них не равно нулю.

Справедливая цена товара - это и есть его стоимость.

Но никто не может заведомо знать стоимость всех производимых благ.

Мы исходим из того, что никто не может знать интересы индивида лучше, чем он сам; знать объёмы затраченных им усилий, как и его оценку блага как потребителя.

Из этого следует необходимость признания свободного рынка при безвозмездной доступности каждому права пользования природными ресурсами и информацией, как наиболее адекватного инструмента установления справедливых цен.

Что, впрочем, не делает аморальным само по себе плановое распределение - поскольку, поскольку оно является результатом добровольного соглашения между всеми, кто в него вовлечён, и поскольку сохраняет в себе механизм диалога между спросом и предложением.

Лучшим принципом распоряжения плодами труда является “от каждого по способностям, каждому по потребностям”, поскольку, в силу своего определения, этот принцип является ничем иным как переводом изложенных в начале настоящего документа принципов добра на язык экономики. Заковыка - в том, что, поскольку никто не может знать интересы индивида лучше, чем он сам - никто не может и знать ни потребностей, ни способностей индивида лучше него самого, а, следовательно, принцип “от каждого по способностям, каждому по потребностям” не может быть воплощен иначе, как на базе добровольности, и, следовательно - без провозглашения права человека на самостоятельное решение вопросов касательно распоряжения его продуктами труда и справедливо обретённым имуществом в целом. Единственной альтернативой подобному подходу, судя по всему, является выстраивание экономических отношений через принуждение, исходящее из наивного полагания, будто одни индивиды знают объёмы потребностей и способностей других лучше них самих.

Таким образом, принцип “от каждого по способностям, каждому по потребностям” не противоречит подлинной свободе рынка, а достигается на её базе - при условии, по крайней мере, что сам сей принцип принимается на веру каждой вовлечённой в сделку стороной.

Украденная собственность.

Пусть не обманываются так называемые “сторонники свободного рынка”, ревностно обороняющие интересы транснациональных корпораций и алмазными глазами взирающие на “сделавших самих себя” миллиардеров: нужно иметь совершенно оторванную от реальности, конформистскую картину мира, чтобы в упор отказываться замечать очевидное обстоятельство, что богатство богатых накоплено не от их великого труда, в десятки и тысячи раз по своему объёму превосходящего труд швеи из Бангладеш или школьной уборщицы из любой страны - что физически попусту невозможно для реального, живого человека - но является исключительно результатом созидательных усилий множества поколений рабочих разных народов, награбленным государством и его патронами через огораживание, колониальное завоевание, рабовладение, наконец - нынешние насилиства в виде налогообложения, тарифов, патентов, и прочих регуляций, почему-то удобно замечаемых любителями “свободы рынка” лишь в те редкие моменты, когда они обращены в пользу поддержки социально уязвимых слоёв населения, а не только в пользу проведения очередной военной авантюры, заключения людей в тюрьмы или финансирования уже без того разжиревших корпораций.

Капиталистическая компания не просто не выжила бы, но и не возникла бы на рынке, свободном от любого вмешательства. Иначе, спрашивается - зачем этим компаниям опираться на государственную поддержку?

Право на нынешнюю же собственность, захваченную сверхбогатыми, на самом деле принадлежит им ровно в той же степени, в какой оно принадлежит и каждому другому человеку.

Подавляющая часть её производителей мертва: это - все поколения всех народов, жившие до нас. Их права собственности не могут быть восстановлены - но могут быть равномерно распределены среди всех живущих ныне и тех, кто придут на землю после нас.

А потому, самым адекватным отношением ко всему этому богатству является такое же, как к земле: каждый имеет право пользоваться им для своего труда и обогащения, и никто не имеет права объявлять собственную монополию на обладание им.

И в справедливом мире обращаться с этим богатством люди будут именно так: через свободный обмен всем, что они произвели, используя ничейные поля, фабрики, помещения и технику.

Это было бы наиболее справедливой компенсацией сверхбогатыми за причинённый остальному человечеству ущерб.

Частная собственность.

Мы вынуждены признать, однако, что стремление к восстановлению исторической справедливости в области экономики сопровождено риском посягнуть и на те имущественные права, которые являются реальным порождением труда её нынешних владельцев.

Соблазн изъять и поделить все блага, находящиеся в частном владении понятен, но по-прежнему заключает в себе несправедливость. Тотальная социализация экономики, слепая ко всяким исключениям, неизбежно повлекла бы за собой уничтожение личных свобод и подчинение частных отношений тем или иным представлениям об “универсальной норме” того, как отдельные люди должны выстраивать отношения между собой.

Мы должны держать в уме, что устранение феномена сверхбогатых нужно для расширения сферы нерегулируемых рыночных отношений - где каждый сам распоряжается плодами своей деятельности и договаривается об их распределении с другими *на местах*, от человека к человеку и от ассоциации к ассоциации - а не для ограничения этой сферы, и без того терпящей притеснения.

Возможно, даже права собственности в современном их распределении - пусть и несовершенные, пусть и сплетённые с многовековой историей государственного произвола - являются обстоятельством одного порядка с бесконечными вспышками насилиственного перераспределения, где одна или множество групп людей готовы с оружием в руках отстаивать собственное видение преодоления последствий исторического грабежа.

Мы не отказываемся от восстановления утраченной справедливости вообще: мы лишь желаем того, чтобы это восстановление происходило с наименьшими жертвами, и - лишь в тех областях, где факт несправедливого присвоения неоспорим.

Потому как - мы считаем - лучше позволить отношениям людей выстраиваться несовершенными, но - своим чередом, чем, в попытках причинить как можно больше добра, устроить кровавую баню, обязаловку и делёжку, из которой всё равно все выйдут недовольными и обиженными на то, что всё поделили неправильно.

Ни в коем случае нельзя позволять какой-либо организации или совокупности индивидов массово пересматривать права собственности мелких производителей - в особенности, не использующих наёмный труд - обвиняя их в “кулачестве”.

Социализации должна подлежать собственность *сверхбогатых* - таких, как миллиардеры, массивные капиталистические корпорации, государственные компании и олигархат - а не заселённые квартиры, независимые лавки, магазины или фермерства.

“Как же определить” - созревает вопрос - “какие предприниматели могут быть обвинены в грабеже, а какие - нет?”

Первым делом, следует обратить внимание на то, может ли физически использоваться собственность владельца исключительно им самим - для непосредственного труда или проживания. Этот критерий является базовым, и, если ответ - “да, может” - никакие экспроприации в данном случае не оправданы.

Если у человека есть свой дом, где он живёт; своё заведение, где он работает один или с семьёй, или вместе с другими сотрудниками-совладельцами - его права собственности должны уважаться по меньшей мере до тех пор, пока, в частном порядке, не будет проведено независимое расследование, явно доказывающее вину кражи.

Если же речь идёт о целой сети предприятий, или о фирме, владеющей множеством пустующих домов, и при этом права собственности на такую фирму или сеть не распределены равномерно между всеми её работниками - каждый имеет законные основания заселиться в такой дом, или, совместно с другими желающими, организовать рабочий коллектив, безвозмездно использующий захваченные средства производства и без каких-либо внешних вмешательств обменивающий производимую им в дальнейшем продукцию с потребителями.

Владение, подобное описанному в первом ряде примеров, строго говоря, было бы даже не вполне уместно называть “собственностью”.

Достаточно устраниТЬ классическое представление о собственности из дискурса и, взамен, рассматривать те или иные отношения между людьми как “нарушающие” или “не нарушающие” личные границы, чтобы получить примерное представление о том, какого рода взаимосвязи между индивидом и имуществом надлежит относить к оправданным.

Ибо что есть угроза насилием в адрес индивида за использование им земли, жилого помещения или средства производства, не используемых в ином случае никем, по их прямому назначению, если не вторжение в личное пространство? И что есть требование платы (будь то в форме налога, ренты или прибавочной стоимости) за непричинение такого насилия, если не грабёж?

Чем, в таком случае, были бы экспроприация и обобществление подобных благ, если не реализацией права индивида на самооборону?

На захваченном рабочем месте должно быть установлено демократическое самоуправление - с полной выборностью всех ключевых постов руководства, с возможностью их переизбрания, и с полным правом свободной критики деятельности руководства со стороны персонала - или даже без руководящих постов вообще.

Такое самоуправление, в сущности, являлось бы результатом договорённости независимых индивидов, взаимно уважающих личные границы, о том, как вести совместные дела на занятом ими пространстве - точно так же, как в ситуации с землёй.

Но как быть, если некий вопрос, касающийся производственных процессов, не может быть решён на местах? Иными словами, что делать, если индивиды, кооперирующиеся друг с другом для осуществления какого-то дела, не находят взаимного компромисса или консенсуса?

Есть два выхода из подобной ситуации:

Первый - решение с помощью насилия, когда воля одного индивида навязывается другому и, за счёт своего успешного навязывания, претворяется в жизнь.

Второй - обращение по меньшей мере одной из сторон конфликта к внешней общественной силе, способной рассудить спор и предложить свой сценарий решения.

Оба варианта несовершены, поскольку влекут за собой наступление на индивидуальную свободу. Но, если противоречие между интересами сотрудничающих индивидов достигают точки, когда выбор средств ограничен двумя данными вариантами, второй оказывается менее непредпочтительным.

Следовательно, если какой-то вопрос не может быть решён прямо на рабочем месте - решать его остаётся через демократические механизмы более широкого уровня - такого, как территориальная, отраслевая, или иная, связанная с этим самым местом, ассоциация.

Таким образом, социализация крупного капитала неизбежно должна предполагать собой изменение политического устройства страны или региона - с тем, чтобы сделать его более плюралистичным, децентрализованным, и с минимальным разрывом связей между бюрократией и населением - либо создание подобных механизмов с нуля, как параллельных существующей политической системе и постепенно вытесняющих её собой.

Об этом, впрочем, мы ещё поговорим более предметно в дальнейшем.

Интеллектуальный труд.

Но как быть с плодами труда в интеллектуальной сфере?

Мы выяснили, что право на интеллектуальную собственность, защищаемое для каждого в равной степени, невозможно.

Однако, это не значит, что труд учителя или изобретателя должен оставаться без компенсации.

Ведь учитель оказывает свои услуги ученику по взаимной договорённости, в частном порядке. Учитель может давать знания за плату, но не может принудить ученика не делиться полученными знаниями с другими. Если учитель не желает такого исхода, максимум, который он может сделать - это прекратить оказывать свои услуги, то есть, прекратить обучение.

Мы можем осудить его выбор как аморальный, но не имеем права принудить его пересмотреть своё решение посредством силы.

Схожая ситуация с изобретателем: он не может физически преследовать того, кто, не заплатив, создал продукт на основе его идей. Но может, создав чертёж или даже продукт по нему, не показывать или не отдавать этот чертёж или продукт кому-либо другому безвозмездно - поскольку такой чертёж или продукт является физическим объектом, и к нему применяются те же законы справедливости, что и к любым другим физическим товарам.

Аналогичная ситуация - и со всеми схожими видами интеллектуальной деятельности.

Социалистическая конкуренция.

Не существует конфликта между полной конкуренцией и её полным отсутствием. Скорее, вопрос состоит в том, как именно мы понимаем конкуренцию; на какие сферы жизни мы её распространяем.

Нынешняя, капиталистическая, конкуренция, есть, прежде всего, конкуренция рабочих друг с другом за рабочие места и шанс на выживание.

Противоположностью такой конкуренции является то, что, условно, можно назвать конкуренцией социалистической: конкуренцией работодателей между собой за внимание рабочих, приводящая к самому исключению деления на “работодателей” и “наёмных рабочих”.

Исключение принуждения - в первую очередь, государственного - из сферы экономики неизбежно должно привести к такой ситуации, при которой начальники предприятий становятся “английскими королевами”, даже - избираются и отзываются всем рабочим коллективом, поскольку каждый имел бы по-настоящему возможность либо без затруднений сменить место работы, либо вовсе экспроприировать существующее. Зная это, начальства были бы вынуждены идти рабочему коллективу на уступки, вплоть до того, чтобы сократить свою личную долю доходов до стоимости услуг как руководителей и посредников в сделках с другими предприятиями, а также исполнять волю своего коллектива в вопросах, касающихся оплаты и организации труда коллег-рабочих.

Но социалистическая конкуренция - это ещё и конкуренция в области политики и социальных концепций: как сейчас партии соревнуются между собой за статус наиболее удобного сорища подхалимов разных отраслей крупного капитала, так в будущем народные представители должны будут стать подлинно народными, соревнуясь за своё право исполнять волю избравшего их пролетариата, что, помимо прочего, потребовало бы отмены зарплат для политиков и приравнивание их деятельности к волонтёрству, совмещаемому с полноценным трудом.

Общество может обойтись без политиков, но политики без общества - нет. Именно поэтому политики, желающие урвать как можно больше привилегий, и пытаются убедить народ в обратном, преследуя анархистов и выставляя саму ситуацию деления людей на касты управленцев и управляемых как якобы естественную и саморазумеющуюся.

Глава III. Насилие.

Двойные стандарты этатизма.

Если нечто справедливо на личном уровне, то оно справедливо и на уровне политическом.

Точно так же, если мы утверждаем, что какое-то действие является недопустимым для обычных людей, то должны и признавать недопустимыми аналогичные действия со стороны публичных институтов, включая государство, поскольку, хотя государство и не тождественно населяющему её народу (государство не спрашивает каждого из индивидов лично, одобряет ли он наличие государственного авторитета над собой), само государство не способно функционировать без его воспроизведения индивидами, входящими в силовой и бюрократический аппараты.

Аморальное действие, совершаемое представителем государственной власти, качественно не отличается от такого же аморального действия, совершаемого индивидом без санкции государства.

Если мы утверждаем, что служителю государства нечто дозволено, но, при этом, утверждаем, что то же самое не дозволено для простых людей, не состоящих в органах власти, то мы рассуждаем в рамках двойных стандартов и либо проявляем великое лицемерие, либо ведёмся на государственную пропаганду с её готтентотской этикой.

Чтобы как следует понять эту, казалось бы, простую правду, необходимо перевести язык государственной политики на язык бытового поведения.

Тюремное заключение есть ничто иное как киднэппинг;

Налогообложение есть ничто иное как регулярное вооружённое ограбление;

Вооружённым ограблением является также и, как мы выяснили ранее, буржуазное право собственности.

Принудительное школьное образование и обработка пропагандой, это образование сопровождающее - суть то же, что и абыз над детьми со стороны родителей или опекунов;

А, военные операции, проводимые государством, есть ничто иное как терроризм.

Ни одно государство не представляет народ и не гарантирует безопасность для людей: оно терроризирует народ и служит источником физической угрозы для телесной автономии и жизни большинства, а именно - тех, кто не пишет законы, не служит в полиции или армии и тех, кто не принадлежит классу крупных собственников-предпринимателей.

Беспристрастность рассуждения требует от нас либо оправдывания всех перечисленных выше практик без исключений, с последующим дарованием карт-бланша на насилие и самосуд каждому первому представителю человечества, либо - полного отрицания каждой из них как аморальной и неприемлемой ни при каких обстоятельствах и ни для одного из людей.

Обе позиции приводят к отрицанию единого государственного авторитета, с той лишь разницей, что первая означает превращение в независимое государство каждого отдельно взятого индивида, тогда как второе, напротив - ниспровержениеластнических тенденций на всех уровнях для каждого человека без исключения.

Первое хуже второго, но хуже всего - монополия одного социального органа на насилие, так как такая монополия означает утрату любых шансов простых людей на сопротивление угнетению.

Лучше уж позволить иметь и использовать собственное оружие каждому, чем, размахивая винтовкой, угрожать всем вокруг расправой, если они откажутся расстаться со своим оружием в вашу пользу. А ведь именно так поступает государство - при том, что на вершину свою воздвигает наиболее властолюбивых и ожесточённых из людей.

Необязательно быть анархистом из веры в добродушность человечества: можно быть им из скепсиса ко всему человеческому, ведь, если люди - злы, то злы и создаваемые ими законы и правительства, а, чем больше у человека власти - тем хуже проявления его злой воли.

Анархическая революция не была бы терроризмом: она была бы самообороной. Сопротивление аресту не есть преступление: оно есть самооборона.

Уклонение от уплаты налогов и пограничных пошлин, сквотирование и захват средств производства с помощью бессрочной забастовки также не являются злодеяниями: они являются легитимными проявлениями личного суверенитета на территории под ногами идущего.

Насилие и самооборона.

Насилие, безусловно, есть зло - поскольку, по определению своему, оно есть намеренное причинение страдания через недобровольное вторжение в тело индивида.

Именно через насилие осуществляется всякий закон и право собственности.

Государство использует насилие или угрозу им на регулярной основе. Насилие является его сущностью. Без инструментов насилия, ни один человек или институт не смог бы принудить индивида к подчинению.

Лучшим миром был бы тот, в котором насилия не существовало вовсе. Именно к ненасилию должен стремиться всякий индивид, если он обеспокоен соблюдением интересов каждого существа.

Но как быть в случае, если насилие всё же происходит? Ведь далеко не все индивиды готовы принять, казалось бы, столь простую истину о том, что зло непредпочитительно - что зло есть зло - и что добро, напротив, предпочтительнее - что добро есть добро - как и то, что только общество без насилия способно наверняка реализовать в том числе и их, отдельно взятые, интересы.

Будучи инициированным, насилие становится фактом действительности, с которым приходится иметь дело.

Если насилие совершено - ущерб, им причинённый, должен быть компенсирован, насколько это возможно.

Любое же насилие ещё не совершённое должно быть предупреждено, когда угроза им уже заявлена.

Но вот, казалось бы, парадокс: чтобы осуществить компенсирование, как и чтобы пресечь насилие, нависающее грядущей угрозой, зачастую необходимо и его жертве прибегнуть к насилию по отношению к его инициатору.

Значит ли это, что самооборона есть такое же зло, как инициация агрессии?

На самом деле, парадокса в этом нет: ведь, как мы уже подчеркнули, инициированное насилие уже является неоспоримым фактом, составляющим действительность.

Обороняясь, жертва не создаёт нового насилия: она лишь перенаправляет существующее, обращённое против неё, насилие, в сторону инициатора.

Если насилие неизбежно - оно всё равно является злом. Но хуже, если пострадает от этого насилия жертва, чем если пострадает инициатор. Во всяком случае, мы не имеем права судить или запрещать жертве защищать себя от внешней угрозы.

Ввиду, впрочем, некоторых предрассудков, имеющих место быть в нашей, современной, основанной на концепте "наций", культуре, следует отдельно подчеркнуть, что роль "жертвы" не может применяться к неодушевлённым сущностям - включая в том числе и такие, как "нация", "интересы государства" или аморфные "группы". Насилие - это всегда причинение страдания, а страдать и, следовательно, иметь право на самооборону, могут только *индивидуы*, а не безликие принципы или институты.

В этом отношении, нет разницы между инициированием агрессии из-за личных обид на конкретного индивида, или из-за ненависти к группе, к которой этот последний принадлежит: и в том, и в другом случае, жертвой агрессии становится индивид. Разница - лишь в обосновании.

Лучший способ обращения с насилием как с фактом действительности - это такой способ, при котором масштабы насилия (и страданий вообще) не умножаются, а уменьшаются.

Если применение силы необходимо, чтобы защитить индивида (а, следовательно - и его права), то такое насилие приемлемо ровно постольку, поскольку оно служит этой цели, и не служит ничему большему. Если это справедливо на личном, бытовом уровне - это справедливо и в политике. Таким образом, любые институты, если они используют силу, должны ограничить это использование исключительно целями защиты индивида от агрессии.

Что же мы наблюдаем в современной реальности? Государство имеет множество законов и структур, задача которых - не бороться с насилием, а только множить и сотворять его на пустом месте.

Нагляднейшим примером здесь послужит феномен "преступлений без жертв" - когда человек наказывается за то, что делал сам с собой или вместе с кем-либо другим добровольно - то есть, без насилия и, следовательно, без создания ситуации, в которой кто-либо является жертвой.

Этот пример можно продолжить, указав на несправедливость того обстоятельства, что государство наказывает преступников, пусть даже и реально причинивших вред ближним, но всё же - даже когда жертвы сами явно выражают желание даровать им прощение.

Военный призыв и военные преступления (которые, надо заметить, совершаются в том числе "свободными" и "обороняющимися" государствами) есть другой пример грубого инициирования агрессии со стороны власти; насилия, увеличивающего число жертв.

Вынесение обвинительного приговора без доказательства вины - то есть, минуя соблюдение презумпции невиновности - также является инициированием агрессии, так как непризнание презумпции невиновности в одной ситуации логически неизбежно требует непризнания её во *всех* ситуациях, а, значит - преследования всех и каждого, просто на основании того, что *каждый* может быть кем-то в чём-то обвинён.

Это означало бы создание самого настоящего ада на земле, где без исключения все друг над другом вершат своё “правосудие”.

Это ли не есть торжество преступности в самых её безжалостных формах?

Но даже если бы механизмы публичной власти ограничивались наказанием за реальные преступления против личности, - т.е., инициирование насилия одними индивидами по отношению к другим - действия этих механизмов по-прежнему сами являлись бы точно такими же актами агрессии - хотя бы уже потому, что *наказание* является, по определению, отмщением, то есть - созданием *нового* насилия, просто - по отношению к реальному или мнимому инициатору старого.

В этом пролегает принципиальная разница между самообороной и наказанием: первое является инструментом *перенаправления* насилия в адрес агрессора, с целью защиты жертвы и дальнейшего уменьшения объёмов насилия в целом; второе же - его бессмысленным умножением.

Правосудие.

Целью правосудия должно быть не наказание, а осуществление самообороны - точно так же, как, на бытовом уровне, самооборона считаться приемлемым и саморазумеющимся правом, тогда как создание насилия - включая создание в форме отмщения - должно приравниваться к преступлению.

Как же организовать правосудие, основанное на самообороне?

Если в случае с компенсацией измеримого ущерба общий принцип ясен (агрессор просто должен оплатить своим трудом долг, по своему объёму сопоставимый со стоимостью ущерба), то, тема других случаев требует раскрытия.

Ведь ущерб может быть неизмерим. Не у всего в этом мире есть стоимость, и не всякая стоимость, если она есть, может быть выявлена.

Например, говоря о человеческой жизни, мы уже выяснили, что значение её равно бесконечности. Убийцу невозможно заставить вернуть убитого к жизни. У нас нет ответа, каким образом можно выявить сколько-нибудь объективную компенсацию за убийство - близким жертвы или, тем более, ей самой. Похоже, вряд ли подобный ответ вообще может существовать.

Но мы, по крайней мере, можем подумать о том, как недопустить повторение подобного зла.

Казнь? Но это означало бы уничтожить ещё одну бесконечно ценную жизнь.

Убийство в рамках самообороны можно понять: в ситуации "или - или", оброняющийся вправе пожертвовать агрессором - в особенности, если выбор приходится делать непосредственно в экстренной ситуации, когда время и средства ограничены.

Но казнь? Убийство человека, уже лишённого возможности представлять кому-либо угрозу? Никак нет.

Казни существуют альтернативы. И любого человека, предлагающего разум предрассудкам и чувствам, должна повергать в недоумение нехватка воображения современного общества в этой сфере.

Во-первых, средством предупреждения зла может являться банальное ограничение инициатора в его привилегиях, которые делают возможной с его стороны насилие или фатальную профессиональную ошибку, влекущую за собой жертвы. Такой человек должен быть лишен права занимать соответствующую должность или иметь соответствующие привилегии.

Во-вторых, если такая мера невозможна или недостаточна - простым способом предупреждения может быть изоляция, то есть - ограничение инициатора насилия в пространственном взаимодействии с потенциальными жертвами.

Логика изолирования предельно схожа с логикой расхождения бывших друзей, поссорившихся и не желающих больше общаться и пересекаться друг с другом. Ведь нет ничего плохого в том, что один человек не желает иметь общих дел с другим - даже если речь идёт о незначительных различиях в характере или желаниях - и никто не вправе силой заставить его продолжить вести эти дела.

Не тем более ли справедлив подобный отказ от взаимодействия, если причиной его стала не разница характеров или бытовых предпочтений, а насилие с чьей-либо стороны?

Известен классический анархистский подход к правосудию: если несогласие индивида с окружающими его членами общины достигает пика, при котором насилие становится неизбежным - он исключается из общины, будучи вынужденным находить пристанище в общинах иных, более отвечающих его поведенческим привычкам.

Но разница тут не только в оттенке расхождений интересов.

Ведь сама суть насилия - в том, чтобы заставлять человека вступать с собой в те или иные взаимоотношения помимо его воли.

По этой причине, изоляция агрессора, вероятнее всего, потребует своего осуществления с помощью силы - что также являлось бы формой самообороны.

К подобной риторике, при всей её справедливости, часто, в том или ином виде, прибегают для защиты института тюрем. Но разве тюремная система действительно ограничивается задачей осуществления свободы ассоциации для жертвы и агрессора? Или неотъемлемым элементом тюремы является что-то ещё?

Тюрьма не просто изолирует человека. Она приучает его к дисциплине, ломая его волю, уничтожая всяческие остатки его свободы. Она заставляет человека страдать; делает так, чтобы каждая мелочь в его жизни напоминала ему: "не забывай, где ты находишься". Она, кроме того, погружает человека в такую социальную среду, в которой почти наверняка его встретят издевательства и откровенное насилие как со стороны других заключённых, так и со стороны сотрудников; где его научат не миролюбию, а совершению ещё большего числа ещё более злых дел. Тюрьма является школой, где обучение заключается в уничтожении в учащемся лучших моральных качеств. Тюремное заключение - это обучение жизни в иерархии, основанной на грубой силе и страхе. Тюрьма - это школа зла.

Тюрьма - это не просто инструмент изоляции, а, если бы он был таковым - он не имел бы ничего общего с тем, что мы называем тюрьмой.

Есть известный принцип, свойственный анархической традиции: свобода ассоциации, проявлением которого в сфере правосудия является изгнание.

Предположим, что, согласно анархической традиции, преступник изгнан из общины. В обычной ситуации, это привело бы либо к естественной смерти изгнанника, оставшегося без поддержки окружающих, либо - к присоединению его к другой общине, готовой принять его.

Из двух сих исходов более предпочтительным является второй.

Таким образом, если мы желаем избежать смерти изгнанника, нам требуется предоставить ему возможность присоединиться к такой общине, в которой он получил бы возможность свободного труда, полноценной жизни и социального взаимодействия с теми, кто был бы готов закрыть глаза на его прежние прегрешения, или - чьи культурные нормы не считают действия изгнанника прегрешениями вовсе.

В таком случае встаёт вопрос: много ли в мире найдётся людей, согласных на подобную координацию усилий?

Пристанищем для изгнанников должны служить небезразличные люди, в частности - из состава самих изгнанных. Такой проект был бы ничем иным как взаимопомощью активистов и товарищей по несчастью, направленной на создание собственного мира, живущего по своим порядкам - не мешающего миру внешнему и сохраняющему свои пределы.

Имелся бы стимул к поддержке сего проекта и со стороны основной массы населения - постольку, поскольку его поощрение означало бы гарантию всеобщего покоя.

В идеале, жизнь в изоляции должна быть во всём идентична обычной жизни обычного человека в обычном населённом пункте, лишь с тем отличием, что в ней более строго ограничивалась бы возможность причинить вред окружающим.

Изолируемый должен иметь право свободно, самостоятельно распоряжаться своим временем; иметь личное пространство и возможность трудиться, самостоятельно прокармливая себя и обеспечивать все свои потребности.

Сотрудники охраны - если они имеются - должны не только защищать внешнее общество от изолированных людей: они должны быть *наёмным персоналом* самих изолированных, гарантирующим им защиту от самосуда и от нападок со стороны других изолированных точно так же, как гарантирующим защиту остального общества от них.

Учреждение, работающее по такому принципу, было бы гораздо больше похоже на деревенскую коммуну, чем на тюрьму. Его механизм был бы механизмом исключения индивида из одной ассоциации при предоставлении возможности вступления в другую.

Такая коммуна была бы маяком свободы; местом, где изгои смогут жить в безопасности и сохранять свою свободу несмотря на отверженность обществом, а, при широком финансировании - и учиться адаптации к возобновлённой жизни в нём.

Разница между "изгнанным преступником" и "добропорядочным членом сообщества" должна исчезнуть: не должно быть ни тюрем, ни закона, но лишь разные сообщества разных личностей.

Да, проект по созданию таких коммун не лишен потенциальных недостатков может провалиться. Но альтернативой ему, в условиях отсутствия государственности, является смерть: естественная, или от руки пострадавших.

Так что осужденному должен предоставляться выбор: найти пристанище в подобной коммуне, или же согласиться на жизнь вне поселения, где он был осужден, заодно согласившись, тем самым, на собственный риск для жизни при повторном появлении в данном поселении.

Предоставление такого выбора могло бы послужить примирительной альтернативой принудительной реабилитации, поддерживаемой сторонниками гуманности - с одной стороны, и самосуду, поддерживаемому некоторыми анархистами - с другой.

Имеет смысл ожидать, что, если бы все эти принципы правосудия были соблюдены в равной степени, то, и количество изолируемых было бы в разы меньше количества тюремных заключённых в современности.

Обеспечение такого правосудия требовало бы гораздо меньших материальных затрат, чем нынешнее - карательное и преследующее людей за надуманные причины. Правосудие обошлось бы дешевле всему обществу, пользуясь естественным потребительским стимулом оплачивать его добровольно, а не через налогообложение - потому что люди знали бы, что оно приносит реальную пользу; работает для блага людей, а не для их устрашения и подчинения.

Не нужно совершать гонений на других людей: нужно, чтобы все оставили друг друга в покое. Как только эта цель будет выполнена - откроется возможность и для восстановления социальной гармонии между разными равными.

Глава IV. Проблема ассоциирования.

Постановка проблемы.

Принятие принципа свободы ассоциации во всех сферах человеческой жизни есть непосредственное следствие согласия с ценностью избегания насилия и с правом каждого индивида на пользование окружающим его природным миром в пользу реализации собственных интересов.

Проклятье нашего существования - вероятно, неискоренимое в полной мере - состоит в том, что свобода ассоциации физически не может быть осуществлена до конца.

Люди обречены на ассоциирование друг с другом уже хотя бы потому, что полное одиночество, для человека, как животного социального, почти наверняка означает физическую смерть.

Обречены люди и на принуждение друг друга в процессе ассоциирования - потому что их личные границы не одинаковы, а все человеческие суждения - в том числе, о взаимоотношениях людей друг с другом - отражают наше субъективное начало в большей степени, чем реальность.

Очень часто нельзя наверняка сказать, является ли то или иное действие принудительным.

Другую трудность вызывает массовый характер современного производства и совместного проживания на земле (многоквартирные дома, размеры населённых пунктов, движение транспортных средств), требующий от людей ещё более интенсивного и глубокого ассоциирования друг с другом, с неизбежным задеванием личных границ друг друга.

Мы уже говорили о том, что задевание личных границ членами массового общества неизбежно вне зависимости от того, ограничивается ли миграция; что ограничение миграции и концепт "национального самоопределения" как таковой есть бессмысленный размен одних незнакомцев, окружающих индивида в повседневной жизни, на других - при том, что в обоих случаях индивида окружают совершенно непохожие и на него, и друг на друга, уникальные, личности.

Мы говорим: нет инициированию насилия, нет посягательствам на тело индивида, нет грабежу. Но можем ли мы действительно понять в каждой ситуации, является ли тот или иной поступок насилием, посягательством, грабежом? Мир сложен и неоднозначен; законы, применимые в одних случаях, могут дать осечку в других. Казалось бы, нам удалось найти внутренне непротиворечивую структуру этических принципов. Но мир наблюдаемых феноменов - не мир концепций в вакууме. Из даже

самой последовательной философско-этической идеи не вытекают автоматически подробные ответы о том, как применять её на практике.

Но если о чём мы и можем говорить с относительной уверенностью, так это о том, что мы субъективны, и, как ни старались бы, истина из раза в раз будет ускользать от каждого из нас.

Оправдание “необходимости” того или иного государственного строя обычно упирается в наивное убеждение, будто определённый индивид, группа или идеология обладают ответами, максимально приближёнными к верным, тогда как другие - нет.

Уверенность в правоте собственных суждений - это и есть корень авторитарного мышления. Подобная уверенность, получившая возможности для своего утверждения в действительности через насилие - это и есть власть.

Ищущий истину должен признать её недостижимость; признать собственную ограниченность; должен смирить своё это. Именно это смирение перед бесконечно далёкой истиной, при, тем не менее, её всецелом вожделении - это и есть определяющая черта философа: “любящего истину”, в противовес “софисту” - самозванному “мудрецу”, “обладателю истины”.

Каждый является философом в тот момент, когда он располагает этой чертой, а, если философ утрачивает её - в этот момент он перестаёт быть философом.

Лучшее общество - это общество философов; общество, по самому своему устройству похожее на разум, занимающийся философским рассуждением.

Противоположностью подобного общества является общество софиста, или - что то же самое - общество власти, т.е, подчинённое авторитету, - идеологическому, институциональному или персональному - неподвергаемому оспариванию, и стремящемуся к охватыванию собой всех сторон жизни каждого.

До сих пор человечество шло - и продолжает идти - по пути власти. По-видимому, лишь с возникновением демократических свобод - пусть и реализованных лишь в ничтожных масштабах, начиная примерно со времён Красного Мая 1960-х - человеческие общества стали возвращать в себе крупицы коренного оспаривания авторитетов и смелого личного поиска через эксперимент.

Свобода эксперимента во всём, максимально высокая степень децентрализации и горизонтального характера социальных связей, социалистическая конкуренция, и вообще свобода во всех своих аспектах и проявлениях - вот цели, которые должно перед собой поставить общество, любящее истину и ставящее ценность индивида в центр собственной морали.

Да, принуждение нельзя устраниТЬ одним махом, просто введя “правильный” свод законов и те или иные институты.

Даже сама необходимость институтов обусловлена существованием насилия.

Но эти институты - если их существование неизбежно - должны быть выстроены таким образом, чтобы они максимально расширяли для индивида возможности эксперимента и выхода из сферы влияния какого бы то ни было авторитета, вплоть до - насколько это волеизъявлено - авторитета самих этих институтов.

Причём, надо отметить, что, сколько существует индивидов, столько существует и субъективных взглядов - даже в ситуации, когда каждое из этих взглядов ориентировано на максимальную реконструкцию собой непостижимой истины - которая есть только одна, так как иначе она не была бы истиной.

Это делает демократический характер институтов более предпочтительным, с точки зрения философского подхода, в сравнении с характером не-демократическим - когда политика институтов определяется отдельным индивидом или группой, вынуждая остальное общество ограничить свой философский поиск, в лучшем случае, лишь теорией, оставляя дело его практической реализации лишь этой самой правящей элите.

Мы не утверждаем, что демократическое и децентрализованное государство - хоть бы даже его демократия и была прямой, и хоть бы степень его вмешательства в жизнь населения было минимальным - является чем-то правильным.

Кандидат или программа, избранная местным большинством, но не избранная индивидом, находящимся в меньшинстве, по-прежнему является фактором угнетения - по меньшей мере, для этого индивида.

Проблема мировоззрения, идеализирующего демократию, заключается в том, что оно, рано или поздно, начинает оправдывать посягательство на человеческую свободу "волей народа" - ведь, если управляющий орган "представляет народ" - значит, его деятельность всегда оправданна, а, тот, кто не согласен с ней и, тем не менее, вынужден подчиняться её требованиям, исключается из того самого "народа"; становится его врагом, "преступником".

Таким образом, если, во времена феодалов, человек, наделённый властью, честно признавался всеми как некто, представляющий волю сугубо свою собственную, то рождение концепта национального "демократического" государства породило, в отношении рядового жителя такого государства, удобный повод для всякого притеснения как со стороны самого этого государства, так и со стороны других - вплоть до военного террора, и всё - на основании "коллективной вины" и "долга".

Демократия - не ценность сама по себе. Она - лишь средство. Более того, её невозможно "установить": попытки воплощения её всегда необходимо подвергать оспариванию, пересмотру и даже сопротивлению - как на коллективном, так и на личном уровнях. Демократия постоянно борется сама с собой, или она не является демократией вовсе.

Демократическое государство не хорошо само по себе, не "представляет народ". Его преимущество заключается лишь в том, что с ним легче бороться как с очередным

инструментом угнетения, а от его взора легче скрыться - чем в случае с государством недемократическим.

Вот, почему уровень демократичности всяких институтов должен постоянно повышаться настолько, насколько возможно.

История демократизации институтов - это история борьбы со всяким проявлением государственности, за право индивида на самоопределение, его свободу от всяких внешних общественных сил; история борьбы за право отдельного философа ставить под сомнение любые авторитеты и реализовывать своё вожделение истины не только в мыслях, но и на практике.

Если институты неизбежны - если *власть* неизбежна - они должны, при любом удачном случае, ослабляться, вплоть до своего упразднения, а, там, где они продолжают существовать - обретать, как можно больше, черты добровольных ассоциаций отдельных личностей.

Рождаются такие преобразования не в поощрении государственности, а в её отвержении.

Таким образом, от верхнего к нижним, может быть выстроена ступенчатая лестница всех возможных ассоциаций, преследующих цель максимальной реализации прав и свобод индивида, причём низшие ступени являются результатом развёртывания высших.

Ноль: вершина.

Во главе лестницы находится непознаваемая, сверх-рациональная Истина, внутренне-непротиворечивая, идеальная, объединяющая собой всё сущее, даже - Божественная (хотя и необязательно воспринимать её таковой).

Первая.

Из этой Истины, как смиренная попытка постижения её, нисходит Понимание ценности индивида, его жизни и свободы - абстрактный философский принцип, рациональный, но всё же имеющий внутри себя определённые аксиомы, принимаемые на веру.

Ассоциирование с Пониманием происходит по факту самого принятия его в собственной жизни: если человек старается действовать в соответствии с ним - причём, в отношении *всех* существ, а не только лишь ассоциирующихся с Пониманием - он является членом негласной вселенской ассоциации антиавторитариев (философов).

Вторая.

Далее, на основе этого Понимания и в попытке применения его к реальности, создаётся его Формулировка.

Каждый антиавторитарий, так или иначе, имеет свою Формулировку; своё видение того, как Понимание должно формировать практику.

Эти различия нормальны. Задача состоит в том, чтобы Формулировки сохраняли свой характер как органического продолжения Понимания, а значит, в частности - в том, чтобы разные Формулировки, реализуясь на практике, как можно реже и как можно в меньших масштабах вступали в насилистственные столкновения друг с другом; взаимно обогащали друг друга в общем философском поиске, или, по крайней мере - не мешали частному поиску своих приверженцев, но никак не навязывались друг другу, превращаясь тем самым в новые авторитеты.

Достичь этого можно только в том случае, если последователи схожих между собой Формулировок будут, по возможности, выстраивать долгосрочные практические взаимоотношения, основанные на консенсусе или взаимном компромиссе, главным образом, друг с другом, и лишь затем - со последователями Формулировок более отличных.

Таким образом закладывается фундамент для демократического и децентрализованного характера предпочтительного политического устройства.

Разные общества, разных культур и точек мира, должны взять задачу Формулирования в самых общих чертах, конкурируя друг с другом в своей аутентичности Пониманию, а также в адекватности применения его на практике с учётом культурных и других особенностей данного общества.

Такие формулировки мы будем называть конституциями.

Конституция, в отличие от Понимания и Истины, в той или иной степени вынуждена принуждать индивидов, составляющих своё общество, к соблюдению тех или иных общих норм.

В этом - порочность любой конституции. Именно ввиду этой неизбежной порочности, между конституциями необходима конкуренция: чтобы каждый индивид обладал свободой передвижения, то есть - свободой селиться на территории любого из обществ (мы не говорим здесь о случаях вынужденной изоляции - которая может быть только адресной - хотя и в рамках общин изолируемых индивидов должен по максимуму сохраняться данный принцип) - а также имел возможность, совместно с остальным своим обществом, вносить в конституцию корректировки, совершенствуя её.

Таким образом, частичное членство в ассоциации-Формулировке (обязывающее индивида к соблюдению её устава и гарантирующее защиту его базовых прав в понимании этого устава) подтверждается нахождением на территории её действия, а членство полное (дающее право непосредственно на формирование устава и на контроль за его соблюдением) - постоянным проживанием на этой территории.

С институтами гражданства и национальных границ должно быть покончено: только тот, кто проживает на территории, имеет право управлять ей, и самого факта проживания должно быть достаточно для реализации права на управление.

Конституция должна перечислять права и свободы человека, а также описывать в общих чертах политическое устройство и систему правосудия на территории её действия.

За основу конституции может быть взят хотя бы и настоящий документ - при удалении из него длинных философских обоснований тем или иным политическим тезисам, и при их более приземлённом раскрытии, если необходимо.

Таким образом, конституция есть такая Формулировка, которая является консенсусом или компромиссом множества индивидуальных Формулировок, чьи последователи, в территориальном плане, выстраивают совместную жизненную практику на более постоянной основе, чем со всеми остальными.

Третья.

На следующей ступени располагается всё, что касается работы законодательной, исполнительной и судебной властей в пределах продиктованных конституцией положений.

Помимо общестрановых институтов, должны существовать аналогичные на уровне отдельных регионов страны - называемых "кантонаами", "штатами" или как-либо иначе. При этом, подавляющая часть полномочий должна находиться именно в руках этих региональных институтов, а не общестрановых - потому как роль последних должна ограничиваться лишь поддержанием действия конституции в самых её однозначных аспектах.

Законодательство и вообще вся публичная власть штатов должны развивать мысль конституции на своей территории с учётом местных особенностей и запросов населения - в том числе и в вопросах, касающихся рабочего самоуправления, неразрешимых непосредственно на рабочих местах.

Власти штатов, таким образом, конкурируют друг с другом подобно тому, как конкурируют конституции разных стран; являются практическим выражением коллективных Формулировок *внутри* той коллективной Формулировки, которую мы называем конституцией.

Законы - как инструмент насилия, вслепую распространяющийся на всё общество - должны приниматься с бдительной осторожностью, а, значит - быть немногочисленными, а также, по возможности - понятными для всех, на кого они распространяются, а не только для немногих сведущих в юридической науке - ибо только таким образом законы имеют шанс на принятие формы подлинного компромисса между индивидуальными Формулировками всех, на кого они распространяются на постоянной основе: всех жителей территориальной единицы.

Четвёртая.

Далее следует уровень формальных отношений, выстраиваемых в частном порядке в рамках законодательства штата. Все экономические сделки, формальные договорённости, а также деятельность отдельных лиц, представляющих власть, относятся к этому уровню.

Предприятия конкурируют друг с другом за потребителей и сотрудников, а депутаты, судьи, милиционеры и другие служащие - за возможность продолжать свою деятельность.

Конкурентный рынок труда, напротив, будет устраниён: ибо социализированный капитал станет преобладающим сектором экономики, а оставшийся наёмный труд будет либо запрещён законодательно как форма принуждения, либо постепенно вытеснен естественными рыночными процессами, вынудив нанимателей превратиться в "английских королев" рабочих - рабочих, получивших возможность в любой момент перейти в социализированный сектор на максимально выгодных для себя условиях.

Следует оговориться, что во всяком случае *ключевые* посты публичной власти должны восприниматься не как места работы, а как места волонтёрской деятельности - чтобы избежать карьеризации политической сферы и создать шансы того, что посты займут искренние люди, ищущие не привилегий, а блага для общины, т.е - достижения и практической реализации философского консенсуса её членов.

Эта реформа положит начало ниспровержению негативного отбора, свойственного ныне действующей бюрократической иерархии - отбора, вознаграждающего жадность и беспринципность, наказывающего идейность и альтруизм, и замещению отбором позитивным - диаметрально тому противоположным.

Кроме того, все кандидаты на ключевые посты должны напрямую избираться местным населением, законы приниматься только через референдумы и на базе петиций, а вся работа властных структур финансироваться через пожертвования, а не через принудительное налогообложение - потому как это последнее является грабежом и, потому, неприемлемо вовсе.

Помимо того, для каждого должна присутствовать возможность создания частных юрисдикций со своими, внутренними, автономными органами власти - работающими в рамках основных положений конституции и, при необходимости, сотрудничающими с органами официальными - как способ мирного выхода неконформного

меньшинства за пределы влияния мнения большинства, ибо этот способ послужил бы, для меньшинства, альтернативой нарушению закона и, следовательно - насильственному разрешению возможных конфликтов.

Пятая.

И, наконец, место на самой нижней - но оттого не менее важной - ступени принадлежит личным неформальным отношениям, таким как семейные, дружеские, религиозные, и так далее, в общем - любым межличностным отношениям, не носящим формального характера.

Область этой ступени должна быть настолько широка, насколько это вообще возможно - потому как три предыдущие ступени так или иначе связаны с властью, а потому - с насилием, и не требовались бы, если бы насилия не существовало. Эти «ступени власти», как их можно было бы назвать, вправе вмешиваться в неформальные отношения лишь постольку, поскольку это необходимо для пресечения наиболее явного инициирования насилия. Если же они вмешиваются сверх этого - они являются тираническими, и должны быть отброшены, если возможно - через другие проявления ступеней власти, а, если невозможно - через неповиновение им или даже их полное ниспровержение.

Нынешнее политическое устройство далеко отлично от подобной пирамиды - что вынуждает индивидов действовать согласно своей собственной Формулировке без достижения согласия с окружающими и их правами, как следствие - терпя притеснения друг от друга, а, в отдельных случаях - даже проливая кровь.

Нельзя осуждать человека за следование его собственным убеждениям. Но вина за то, что столкновения между убеждениями разных людей обретает насильтственный характер, лежит именно на государственной системе - недопускающей ни личной автономии, ни диалога и материальных средств, чтобы отстоять её границы.

Следует отметить, впрочем, что даже реализованную по образцу данной пирамиды политическую структуру не нужно воспринимать, как вершину возможного социального устройства.

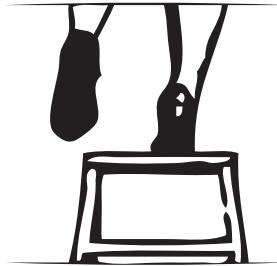
Идеал требует избавления от всякой, даже такой, власти. По нашему убеждению, общество не может называться в полной мере анархическим, пока в нём существуют такие явления, как законы, суды или голосования большинством. Представленная здесь модель скорее является возможной формой «анархического переходного периода» к обществу неограниченной и всеобъемлющей свободы. Пирамида ассоциаций, таким образом, стремится к собственному размыванию, вплоть до момента преодоления физических ограничений, делающих возможным возникновение каких-либо ступеней власти и принуждения в целом.

Отхождение от этого стремления неминуемо должно было бы привести к крушению всего смысла пирамиды и возвращение в огненную геенну государственности.

В другом документе мы попробуем проиллюстрировать, как могла бы выглядеть конституция, основанная на изложенной здесь философии.

18 декабря 2025

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Элеан Шайн
Антиавторитарная этика и теоретические предпосылки для формирования
социальной концепции на её основе
21.12.2025

ru.anarchistlibraries.net